В
4240
Тру I

С. С. Розаховъ.

КН. С. Н. ТРУБЕЦКОЙ.

МОСКВА.—1913.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА,
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. № 5.

С. С. Розановъ.

КН. С. Н. ТРУБЕЦКОЙ.

МОСКВА.—1913.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА,
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. № 5.

Пров. 1959

7983

Умираетъ лѣтній день. Неслышно, будто на легкихъ крыльяхъ, скользятъ сумерки и роняютъ тѣни на монастырское кладбище. Струится вечерняя прохлада. Тамъ, за стѣнами, бурлитъ многоголосая жизнь, а здѣсь, среди могилъ и надгробій, тихо-тихо. Не ворвутся сюда шумъ и гамъ уличной суеты. О вѣчномъ покоѣ возвѣщаетъ эта нерушимая тишина.

Вотъ бѣлѣетъ мраморный крестъ. Подъ нимъ нашелъ себѣ пріютъ прахъ незабвеннаго кн. С. Н. Трубецкого.

Пламеннымъ словомъ оратора и профессора, перомъ мыслителя и публициста онъ, вдохновенный, звалъ къ самоуглубленію, къ „дружбѣ съ непогибающимъ“, къ вѣчному, и до послѣдняго его вздоха не молкъ этотъ мужественный призывъ. Историкъ философіи, авторъ „Метафизики въ древней Греціи“ слишкомъ хорошо зналъ цѣну человѣческихъ системъ, ихъ относительную правду, чтобы свое сердце всецѣло отдать одному опредѣленному ученію. Долголѣтнія историко-философскія штудіи дисциплинировали его умъ, воспитали его историческое чутье, онѣ научили

его прозрѣвать въ каждомъ изъ началъ, властвующихъ сознаніемъ человѣчества, текучій отблескъ единой верховной Истины. Онъ подлинно „дружилъ съ непогибающимъ“, и только вѣчныя творенія міровой мысли были объектомъ его пристальнаго и любовнаго анализа. Онъ умѣлъ стать выше боевыхъ схватокъ враждующихъ философскихъ партій, выше безпощадной критики идейныхъ недруговъ, внушенной жаромъ фанатическаго ослѣпленія; онъ умѣлъ подняться надъ потокомъ безустанно порывающагося къ новымъ, еще невиданнымъ, далямъ умозрѣнія. И въ перекрестномъ огнѣ взаимныхъ полемическихъ ударовъ умѣлъ онъ сквозь нестройный гулъ словъ, продиктованныхъ злобой дня, различить иные звуки, почуять тихое вѣяніе Вѣчнаго.

Гдѣ-то, за высокой оградой, плещется море жизни. А здѣсь, въ укромной обители, тихо-тихо.

Мчи меня, память, крыломъ не старѣющимъ
Въ милую сердцу страну...

И воспоминаніе за воспоминаніемъ послушной чредою тѣснится въ сознаніи.

15 сентября 1904 г. Въ этотъ день—первая лекція С. Н. изъ курса „Исторія древней философіи“. Дружными и горячими апплодисментами встрѣчаетъ насторожившаяся аудиторія появленіе на каѳедрѣ популярнаго профессора. Замѣтно волнуясь, подкупая искренностью тона, начинаетъ онъ свою лекцію. Онъ привѣтствуетъ первокур-

сниковъ съ ихъ вступленіемъ въ университетъ; онъ обращается къ слушателямъ съ указаніемъ, что изъ ихъ среды выйдутъ дѣятели будущей школы; онъ убѣждаетъ ихъ неуклонно памятовать, что на нихъ лежитъ великій долгъ культурнаго строительства. Въ перспективѣ предстоящей интенсивной и отвѣтственной работы необходимо съ наивозможной полнотой и тщательностью исчерпать студенческіе годы, запастись въ университетѣ разносторонними гуманитарными знаніями. И затѣмъ С. Н. усиленно подчеркиваетъ центральное положеніе философіи въ ряду прочихъ факультетскихъ дисциплинъ. Если отдѣльныя науки изучаютъ отдѣльные классы явленій, то философія ставитъ задачей оформленіе цѣлостнаго міропониманія, стремится понять общій смыслъ нашихъ знаній, нашего существованія. Стремленіе къ цѣльному знанію—движущій нервъ всякаго вообще философствованія. Вотъ почему важно изученіе исторіи философіи. Она вводитъ въ исторію способовъ пониманія вещей, способовъ пониманія сущаго... Жестикулируя, будто къ жесту прибѣгая съ цѣлью восполнить недостающую выразительность слова, торопливо говоритъ С. Н. Кажется, что передъ вами не безстрастный и сухой обозрѣватель прошлыхъ судебъ философіи, а подлинный любомудръ, который патетически сопереживаетъ тревогу и исканія человѣчества, жаждущаго „войти въ разумъ Истины“. Бурнымъ каскадомъ льется вдохновенная и нетерпѣливая импровизація С. Н.; самъ

увлеченный, самъ обуянный Эросомъ любомудрія, онъ увлекаетъ и воспламеняетъ другихъ.

Такъ интимно сраствориласъ его душа съ сутью пересказываемыхъ имъ умозрѣній, что постепенно развертываемая ткань античной мысли предстаетъ въ новомъ, нечаянномъ освѣщеніи, а лѣтопись метафизическихъ устремленій Эллады—въ истолкованіи профессора — проникнется духомъ все возрастающаго драматизма. Они живы для того, кто ихъ живитъ: и Анаксагоръ, и Гераклитъ Темный, и Демокритъ, и Сократъ. Словно не существовало исторіи, словно пали хронологическія преграды, и мы—въ древней Элладѣ, которую съ безграничной восторженностью рисуетъ С. Н., мы — современники Ѳалеса, Ксенофана, Парменида. Ихъ тѣни рѣютъ въ притихшей аудиторіи: талантливый профессоръ сблизилъ античность и современность.

А „семинарій по Платону“ подъ руководствомъ С. Н. ... Незабываемые часы вниканія въ благоуханные діалоги величайшаго изъ мыслителей, когда нашъ вождь вставалъ передъ нами во весь свой ростъ, когда мы видѣли его передъ собой во всемъ блескѣ и великолѣпіи его богатыхъ дарованій: то въ роли историка греческой культуры, то какъ ученаго филолога, благоговѣйно интерпретирующаго каждую букву платоновскаго текста, то въ роли неуязвимаго и тонкаго діалектика, бережно распутывающаго пряжу возвышенныхъ платоновскихъ построеній. С. Н., наизусть цитирующій по-гречески цѣлые отрывки изъ

„Метафизики“ Аристотеля. С. Н., осторожно разбирающій новѣйшія замысловатыя теоріи въ области „Platonische Frage“. Яркимъ примѣромъ своего одухотвореннаго преподаванія училъ насъ С. Н. „жить“ съ философомъ, а только при этомъ „сожительствѣ“ считалъ онъ плодотворнымъ штудированіе классиковъ философіи. И мы жили съ Платономъ и Платономъ. Чудилось, то—не семинарій въ обычномъ смыслѣ слова, а философское содружество, какой-то платоновскій орденъ. И этого могъ достигнуть лишь С. Н., самъ „платоникъ“, самъ энтузіастъ любомудрія...

Далѣе, память! Крыломъ тиховѣющимъ
Образъ навѣй мнѣ иной...

Первая половина ноября 1904 г. На одинъ изъ вечеровъ назначено засѣданіе религіозной секціи историко-филологическаго студенческаго общества. Въ качествѣ референта долженъ выступить С. Н. Тема его доклада касалась работъ Велльгаузена, извѣстнаго въ наукѣ нѣмецкаго изслѣдователя еврейской исторіи и ветхозавѣтнаго писанія. Несмотря на то, что заглавіе реферата, казалось, могло привлечь лишь небольшую группу спеціалистовъ, маленькая комнатка засѣданій секціи, еще задолго до прихода профессора, наполнилась студентами... Наконецъ, показалась и высокая фигура С. Н. Положивъ передъ собой русскій текстъ Библіи, обведя быстрымъ взглядомъ слушателей, онъ приступилъ къ своему докладу. „Господа, — такъ приблизительно началъ

С. Н.—я буду говорить на религіозную тему. Я думаю, что религіозные вопросы имѣютъ безспорное право на постоянный интересъ, постоянное значеніе, я думаю, что религіозные вопросы—вѣчны". И затѣмъ С. Н. умѣлой и увѣренной рукой эрудита набросалъ картину эволюціи библейской экзегетики, установилъ главныя вѣхи пути, пройденнаго этой научной отраслью. Чѣмъ далѣе говорилъ С. Н., тѣмъ голосъ его звучалъ все убѣжденнѣе, все крѣпчалъ; мнилось, онъ уже вполнѣ овладѣлъ предметомъ, покорилъ вниманіе собравшихся. Торжественная тишина аудиторіи такъ гармонировала съ серьезностью темы, которую, все болѣе и болѣе увлекаясь, дебатировалъ ораторъ... Будто высѣченные рѣзцомъ искуснаго ваятеля, вставали передъ нами величавые образы еврейскихъ пророковъ, этихъ носителей высшей Правды. С. Н. перешелъ къ вопросу объ ихъ роли въ созиданіи ветхозавѣтной теократіи. Зодчіе ея, они подвигомъ всей жизни запечатлѣли свое служеніе дѣлу укрѣпленія союза между Богомъ и людьми. Окрыленные неугасимой вѣрой въ Ягве, они безбоязненно призывали блюсти завѣты святой Правды, будили въ душахъ живое исповѣданіе живого Бога Правды. Огненныя слова ихъ пламенѣющей проповѣди жгли сердца... „Господа,—такъ заключилъ свою взволнованную рѣчь С. Н., держа въ рукахъ раскрытой Библію,—полюбите эту книгу, углубляйтесь въ нее, почаще засматривайте въ нее, старайтесь вникнуть въ ея содержаніе, и передъ вами, на этихъ драгоцѣн-

ныхъ страницахъ, развернется величайшая міровая драма, грандіозная драма Богосознанія, и тогда, повѣрьте, вы по достоинству оцѣните эту заброшенную и малочитаемую книгу и сознательно причислите ее къ выдающимся памятникамъ человѣческой исторіи"...

С. Н.—богословъ. Это воспоминаніе лишній разъ документируетъ его глубокую религіозность. Дѣйствительно, религіозность составляла опредѣлительную черту душевнаго строя С. Н., была главенствующимъ элементомъ, соотвѣтственно окрашивавшимъ всѣ другія стороны его многогранной души. Его философскія воззрѣнія такъ тѣсно переплетаются съ религіозными, что указать пограничную межу невозможно. Любимой областью его кропотливыхъ и сосредоточенныхъ изысканій была исторія религій. Знаніе древнееврейскаго языка позволило ему написать богатыя по привлеченному матеріалу и значительныя по итогамъ главы докторской диссертаціи, посвященныя „религіозному идеалу евреевъ" и „еврейской апокалиптикѣ". Послѣдніе годы С. Н. работалъ надъ вторымъ томомъ своего „Ученія о Логосѣ", въ которомъ онъ долженъ былъ познакомить съ результатами своего многолѣтняго и вдумчиваго изученія первыхъ вѣковъ христіанства.

И еще нѣсколько мимолетныхъ образовъ С. Н. сохранилось въ моей памяти. Вотъ онъ, предсѣдатель студенческаго историко-филологическаго общества, на общемъ собраніи его (чуть ли не

ликвидаціонномъ) стойко выдерживаетъ стремительную атаку пылкихъ оппонентовъ, сурово критикующихъ направленіе дѣятельности общества. Вотъ въ дни университетскихъ волненій онъ группѣ студентовъ бросаетъ свою четкую фразу: „безъ науки нѣтъ культуры, безъ культуры нѣтъ свободы", сжато выражающую его личную глубоко продуманную точку зрѣнія на университетскій вопросъ. Вотъ онъ, ректоръ-первоизбранникъ, въ кучкѣ молодежи, тѣснымъ кольцомъ обступившей его, входитъ въ детали студенческихъ нуждъ, стараясь удовлетворить каждаго изъ обращающихся къ нему за совѣтомъ. Какъ сейчасъ, вижу его лицо въ эти минуты, такое тонкое, прозрачное, такое прекрасное по своей просвѣтленности, почти неземное.

А затѣмъ скорбная вѣсть изъ Петербурга, погребальная процессія, растянувшаяся по московскимъ улицамъ...

Мелодично выбиваютъ монастырскіе часы. Тихо на кладбищѣ. Тонетъ въ сумракѣ бѣлый крестъ надъ безвременной могилой С. Н.

* * *

Метафизикъ, историкъ философіи, историкъ религіи, богословъ, филологъ, публицистъ, художественный критикъ, тонкій цѣнитель музыки, выдающійся профессоръ, пламенный ораторъ, политическій дѣятель, активный членъ академической корпораціи, остроумный собесѣдникъ [1]),

[1]) С. Н. въ дружескомъ кругу обрисовалъ прив.-доц.

авторъ юмористическихъ стихотвореній—таковы отдѣльные „лики“ С. Н. Какое удивительное совмѣстительство разнохарактерныхъ дарованій, какая рѣдкая отзывчивость души!

Онъ не могъ отшельникомъ замкнуться въ одинокой кельѣ религіозныхъ созерцаній, не могъ отгородиться отъ жизни, ея властныхъ зововъ томами и фоліантами книгочія. Онъ всячески и многообразно „выходилъ изъ себя“. Это „выхожденіе изъ себя“ онъ формулировалъ даже, какъ теоретическое положеніе, обороняя имъ правомѣрность метафизики.

Въ своемъ введеніи къ „Метафизикѣ въ древней Греціи“ онъ прежде всего отражаетъ традиціонные аргументы противъ возможности метафизики. Онъ находитъ, что метафизика, какъ познаніе сверхъчувственнаго, сверхъ-опытнаго, имѣетъ всѣ данныя на признаніе ея полноправной отраслью человѣческаго вѣдѣнія. Онъ разъясняетъ, что отрицаніе абсолютнаго, обычное въ устахъ враговъ метафизики, въ существѣ своемъ уже метафизическій тезисъ. Говорятъ, все существующее условно, относительно, но вѣдь существующее принимаетъ такой характеръ лишь sub specie безусловнаго, абсолютнаго. Настаиваютъ, что наше сознаніе есть лишь „простая совокупность психическихъ явленій“, что внѣ состояній своего сознанія мы ничего не знаемъ и знать не можемъ. Поэтому—заключаютъ—вся-

Н. В. Давыдовъ въ своей интересной рѣчи. См. *Сборникъ рѣчей, посвященныхъ памяти кн. С. Н. Трубецкого.* М. 1909, стр. 28.

кія ухищренія метафизики проникнуть въ сферу объективнаго, универсальнаго—безплодны и напрасны. С. Н. доказываетъ, что позиція эмпиризма—шатка. Не правда, будто наше сознаніе фатально замкнуто въ кругъ индивидуальныхъ состояній. Напротивъ, въ каждомъ актѣ воспріятія, знанія, сознанія, въ каждомъ актѣ жизни, во всякомъ отношеніи мы выходимъ изъ себя, согласно терминологіи С. Н., метафизически. Мы, такъ сказать, перерастаемъ свою индивидуальность, разбиваемъ оковы своей временно-пространственной ограниченности.

Ни время, ни пространство не сохраняютъ надъ нами всемогущей власти. Мы ежесекундно дерзаемъ за предѣлы непосредственно даннаго, ни одну минуту мы не живемъ только настоящимъ. „Сохраняя преданіе прошедшаго, я, пока живъ, вѣчно передаюсь въ будущее, перехожу въ это будущее, и если бы переходъ въ это будущее остановился, то и теченіе моей жизни и сознанія прекратилось бы: я выхожу изъ себя во времени“ [1]). Человѣкъ не плыветъ безвольно въ быстро несущихся волнахъ времени; онѣ не мчатся только внѣ его и помимо него; человѣкъ имѣетъ сознаніе времени „внутри себя“. Всякій опытъ осуществимъ лишь при наличности различенія одного субъективнаго состоянія сознанія отъ другого,—лишь при воспріятіи времени. Всякое данное,

---

1) *Кн. С. Трубецкой.* Метафизика въ древней Греціи. М. 1890. Стр. 17.

эмпирическое состояніе моего сознанія—уже не настоящее, уже въ прошломъ. „Настоящее я сознаю лишь въ будущемъ". Настоящее—мостъ къ будущему: я его сознаю, „поскольку я вышелъ изъ него, сдѣлалъ его своимъ прошедшимъ". Итакъ, сознаніе времени, какъ возвышающее субъекта надъ его эмпирическимъ настоящимъ, есть предварительное условіе опыта.

То же „метафизическое выхожденіе" субъекта „изъ себя" имѣетъ мѣсто и въ пространствѣ. Внѣшній объективный опытъ тогда можетъ быть реализованъ, когда я могу отличить я и не-я, какъ внѣшнее мнѣ, иными словами, онъ упреждается интуиціей пространства.

Человѣческій духъ не заключенъ въ темницу индивидуальныхъ состояній: онъ въ каждомъ актѣ жизни рветъ путы эмпирической связанности и пріобщается къ сверхъ-личному. „Въ каждомъ своемъ отношеніи я выхожу изъ себя; въ каждомъ дѣйствіи дѣйствующій субъектъ полагается во взаимоотношеніе или взаимодѣйствіе съ цѣлой безконечностью дѣйствій и силъ и такимъ образомъ переходитъ отъ индивидуальной сферы своего существа къ всеобщей универсальной сферѣ дѣйствія" [1]).

Анализъ природы сознанія диктуетъ, такимъ образомъ, выводъ, что сознаніе никогда не исчерпывается своимъ настоящимъ, не ограничивается своимъ даннымъ содержаніемъ, всегда совершаетъ трансцензусъ за рамки наличной фактичности.

[1]) Метафизика въ древней Греціи, стр. 27.

Преодолѣть опасность иллюзіонизма, при которомъ окружающая насъ вселенная разрѣшается въ міръ субъективныхъ призраковъ, мы можемъ лишь вѣрой въ реальность природы, бытія, истины внѣ человѣческаго сознанія, лишь утвердивъ за послѣднимъ способность выходить изъ субъективнаго міра индивидуальныхъ представленій.

„Метафизически выходя изъ себя", человѣкъ базируетъ на соборной природѣ своего сознанія. Сознаніе человѣка не только индивидуально, не только лично, не только субъективно. Оно—соборно. Идея соборности сознанія—одна изъ интереснѣйшихъ идей С. Н.

При такомъ пониманіи субъективное „я" пріобрѣтаетъ всеобщее, объективное бытіе. Самосознаніе человѣка получаетъ объективную, вселенскую достовѣрность. Тѣмъ самымъ индивидуальному сознанію усваиваются глубокій смыслъ и значеніе.

Въ формальной общности, чисто логической универсальности своихъ понятій человѣческій разумъ безусловно поднимается надъ міромъ ограниченнаго, эмпирическаго. Какъ обладающій всеобщими по формѣ понятіями, свободно-творческій духъ мощно одолѣваетъ тягостныя препоны, воздвигаемыя ему міромъ зыбкихъ явленій. Сознаніе человѣка стремится къ тому, чтобы стать всеобъемлющимъ не только по формѣ, но и по содержанію; оно алчетъ все заключать въ себѣ, быть сознаніемъ всего и всѣхъ.

Универсалистическая структура сознанія обра-

зуетъ всегдашній стимулъ нашего познаванія. Въ силу этого человѣкъ никогда не можетъ примириться съ эмпирической фактичностью своего сознанія. Онъ жаждетъ все болѣе полнаго и совершеннаго постиженія всеединой Истины. Онъ не можетъ успокоиться ни на одномъ конкретномъ воплощеніи ея. Съ неослабной энергіей мятущійся духъ человѣка пускается въ поиски разума вселенной. Сознаніе абсолютнаго идеала живетъ въ насъ, живетъ, какъ путеводительная звѣзда.

Таковы звенья глубокомысленныхъ разсужденій С. Н., его апологія метафизики и соборности сознанія.

Но, быть можетъ, у людей нѣтъ сознанія абсолютнаго, человѣчество вовсе не порывается „войти въ разумъ Истины“, быть можетъ, это только самообманъ фантазирующаго метафизика? Нѣтъ, вся исторія человѣческой мысли, философскаго умозрѣнія внятно и убѣдительно возглашаетъ одно: издревле люди одержимы жаждой сущей и всеединой Истины.

Доказательству неистребимости въ человѣчествѣ высшихъ метафизическихъ запросовъ С. Н. посвятилъ обѣ своихъ классическихъ монографіи: „Метафизика въ древней Греціи“ и „Ученіе о Логосѣ“.

Поразительны даръ историко-философской интуиціи С. Н., его умѣніе вжиться въ глубочайшую суть анализируемаго ученія, осмыслить его внутреннюю логику, уловить діалектическую

взаимообусловленность смѣняющихся метафизическихъ концепцій.

Ранній грубый натурализмъ іонійцевъ полагалъ основу міра въ матеріальныхъ стихіяхъ; онъ постигалъ истину въ аспектѣ безпредѣльнаго стихійнаго начала. Только Гераклитомъ былъ осознанъ разумный смыслъ мірового процесса. Гераклитъ мыслилъ „разумъ“ вещей, логосъ, какъ вѣчно неизмѣнный законъ мірового становленія, создающій изъ хаотической массы разнородныхъ предметовъ стройное космическое цѣлое. Логосъ являлся для Гераклита разумнымъ началомъ, имманентно раскрывающимся въ міровой жизни, примиряющимъ въ верховной гармоніи всѣ противоположныя, индивидуально обособленныя вещи. Но у Гераклита разумъ (логосъ) какъ бы сливался съ потокомъ мірового движенія, какъ бы растворялся въ немъ; онъ не представлялъ сознательнаго субъекта, всецѣло объективируясь въ міровой жизни.

Задача выдѣлить изъ объективнаго мірового процесса проникающее его разумно-субъективное начало выпала на долю Анаксагора. Основу міровыхъ явленій Анаксагоръ видитъ въ первоматеріи, но движеніе ея Анаксагоръ не относитъ къ свойствамъ самой матеріи. Онъ говоритъ, что сама по себѣ матерія косна и неподвижна, что толчокъ ея движенію даетъ нематеріальный и внѣмірный Умъ. Такимъ образомъ, въ системѣ Анаксагора логосъ становится самостоятельной субъективной силой. Но на первомъ импульсѣ

движенія матеріи и обрывается дѣятельность Анаксагорова Ума: за этимъ творческимъ актомъ Ума слѣдуетъ полнѣйшее разобщеніе между нимъ и матеріей. Жизнь послѣдней развивается по своимъ автономнымъ принципамъ, такъ что Умъ испаряется въ какую-то абстракцію, лишенную реальной жизни.

Если Гераклитъ, Анаксагоръ, вообще досократики свое преимущественное вниманіе удѣляли внѣшне-объективному міру, то Сократъ выступаетъ въ роли дерзновеннаго реформатора греческаго умозрѣнія. Онъ сразу и рѣшительно порываетъ со всѣми традиціями и навыками господствующаго религіозно-философскаго мышленія. Онъ возвышаетъ свой непоколебимый голосъ въ защиту внутренне-субъективной жизни человѣческаго духа, которую основательно игнорировали его предшественники. Сократъ выдвигаетъ самопознаніе, какъ начало всякаго истиннаго знанія. Всюду—и на шумныхъ аѳинскихъ улицахъ, и въ яростныхъ словесныхъ бояхъ съ софистами, и на скамьѣ подсудимыхъ Сократъ твердитъ о необходимости и важности логическаго знанія. На фундаментѣ разумнаго знанія думаетъ Сократъ возвести зданіе и этики: онъ учитъ, что познаніе истинныхъ цѣлей, самодовлѣющихъ нормъ благой жизни возможно лишь черезъ углубленіе въ понятія. Усмотрѣніе объективно-логическаго начала въ понятіи знаменуетъ небывалое метафизическое открытіе Сократа. Для него понятіе—не только субъективный принципъ человѣческаго разума;

понятіе—это универсальный принципъ, принципъ и нравственной жизни. Вселенское и сверхъ-личное въ разумѣ обусловливаетъ сопричастность человѣка божественному разуму, одушевляющему все въ мірѣ. Ему, этому міровому разуму, Сократъ безтрепетно служилъ всю свою жизнь, и съ вѣрой въ высшую правду онъ отошелъ въ другой міръ.

Прекрасно опредѣляетъ С. Н. непреходящее значеніе Сократа, говоря: „Сократъ углубилъ сознаніе всего человѣчества. Каждый изъ насъ слишкомъ многимъ обязанъ Сократу“ [1]).

Мудрые завѣты Сократа оплодотворили геніальную мысль Платона. Чѣмъ болѣе онъ слѣдуетъ призыву учителя къ самоуглубленію, тѣмъ крѣпнетъ его убѣжденіе, что окружающую дѣйствительность нельзя признать истиннымъ бытіемъ. Въ міровомъ процессѣ господствуютъ непостоянство и измѣнчивость; проблески красоты сиротливо теряются въ безобразномъ хаосѣ; неправда и зло берутъ верхъ надъ одинокими ратоборцами добра и правды. Значитъ, этотъ чувственно-реальный міръ—не истинно сущее. Подлинное бытіе принадлежитъ лишь вышней обители вѣчныхъ, незыблемыхъ идей. Сфера же земныхъ, скоротечныхъ феноменовъ—лишь тусклое и блѣдное отраженіе горняго царства неизмѣнно сущаго. Платоновскій идеализмъ вырываетъ бездонную пропасть между поту-стороннимъ міромъ идей и

---

[1]) Метафизика въ древней Греціи, стр. 437.

дольнимъ—матеріи. Эти два міра столь противоположны, что невозможно какое-либо имманентное единеніе, какое-либо реальное соотношеніе между ними. И С. Н. замѣчаетъ: „ученіе Платона представляется дуализмомъ“ [1]).

Греческая философская мысль осознала тѣ грозные итоги, которые таила въ себѣ потенціально платоновская теорія двухъ міровъ. Заполнить пропасть между ними, преодолѣть ихъ рознь—вотъ сокровенное устремленіе выдающихся преемниковъ Платона.

Аристотель учитъ, что истинное бытіе присуще мысли, что въ основѣ міра заложена нѣкая идеально-разумная цѣль. Но этотъ идеально-разумный принципъ неотдѣлимъ отъ реальнаго міра, имманентенъ ему. Потусторонній платоновскій міръ идей рухнулъ самъ собой. Если для Платона логосомъ міра была система трансцендентныхъ идей, то логосъ Аристотеля становится системой имманентныхъ міру формъ.

Внутренняя логика мысли неминуемо вела къ исключительному утвержденію имманентнаго логоса. Это и было сдѣлано стоической школой.

Стоицизмъ отожествилъ логосъ и міръ, природу. Познаніе природы и слѣдованіе ея велѣніямъ — вотъ все, что нужно человѣку. „Жить сообразно природѣ“ значитъ „жить сообразно разуму“ [2]), міровому логосу.

---

[1]) Ученіе о Логосѣ, стр. 29.
[2]) Ученіе о Логосѣ, стр. 50.

Наконецъ, еще одно героическое усиліе побороть платоновскій дуализмъ. То были религіозно-философскія спекуляціи неоплатониковъ. Но и онѣ не сгладили пропасти между царствомъ вѣчно пребывающихъ сущностей и міромъ неразумной, случайной, злой дѣйствительности. И неоплатонизмъ не устранилъ вопроса о возможности соприкосновенія міра истиннаго бытія и міра злого небытія. Проблема, поставленная платоновскимъ дуализмомъ истинно-сущаго и несущаго, упорно тревожившая послѣдующую античную мысль, осталась открытой и въ неоплатонизмѣ.

Рѣшило ее и рѣшило навсегда христіанство.

Оно принесло благую и радостную вѣсть о томъ, что на землю сошелъ самъ Богъ, что Онъ принялъ человѣческую плоть, проповѣдалъ Евангеліе Царства Божія, претерпѣлъ на Голгоѳѣ крестныя страданія за грѣхи міра, воскресъ и снова примирилъ людей съ Богомъ. Въ актѣ воплощенія Христа небо и земля, разлученныя и невозсоединенныя античнымъ умозрѣніемъ, сочетались. Христіанство сняло противоположность небеснаго и земного, идеальнаго и реальнаго, духовнаго и матеріальнаго. Отвлеченный идеализмъ греческой философіи рѣзко контрастировалъ съ нравственно-религіознымъ реализмомъ христіанства, и утвержденія христіанъ о томъ, что Слово Божіе—Логосъ воплотилось, обитало съ людьми, что Оно есть человѣкъ Іисусъ Христосъ, казались „безуміемъ“ мыслящимъ эллинамъ. Они съ явнымъ недоумѣніемъ внимали евангельской вѣсти

о несеніи креста, символизировавшаго новое вѣроученіе. Если логосъ греческой философіи былъ умозрительной абстракціей, то Логосъ Евангелія являлъ дѣйственное начало жизни.

И С. Н. въ заключительной главѣ своего труда „Ученіе о Логосѣ", названной „Христосъ", съ неподдѣльнымъ религіознымъ одушевленіемъ раскрываетъ сущность христіанскаго идеала. Центральная идея Евангелія — идея Царства Божія. Царство Божіе—это исполненіе воли Божіей на землѣ. Оно—внутри насъ и реализуется подвигомъ индивидуальныхъ усилій человѣка; вмѣстѣ съ тѣмъ оно—внѣ насъ, будучи объективнымъ органическимъ процессомъ. Задача устроенія Царства Божія не ограничивается внутреннимъ перерожденіемъ отдѣльнаго индивидуума; Царство Божіе—фактъ міровой, вселенскій, космическій...

С. Н. подходитъ вплотную къ проблемѣ христологіи. И какія замѣчательныя страницы написаны имъ о ней, страницы, свидѣтельствующія о широтѣ его эрудиціи, а вмѣстѣ о подъемѣ его религіознаго чувства! Онъ, вооруженный всѣми усовершенствованными методами критическаго изслѣдованія, не заглушилъ въ себѣ порывовъ вѣрующаго сердца. Онъ, ученый, остался имъ и въ своемъ трудѣ, но построенія свои онъ согрѣлъ дыханіемъ своей искренней вѣры.

Это—рѣдкостное зрѣлище: мирный союзъ пытливаго разума и вѣры, обычно борющихся. На примѣрѣ своей личности С. Н. оправдалъ возможность гармоніи любомудрствующаго и вѣрующаго разума.

Не здѣсь ли, въ интимной сліянности разума и религіознаго сердца, искать объясненіе мощнаго вліянія С. Н., какъ оратора и какъ профессора?

Не разъ случалось, что аудиторія, передъ тѣмъ настроенная непріязненно къ С. Н., подъ смѣлымъ натискомъ его убѣжденной и побѣдоносной импровизаціи, покорно сдавалась и бурной овацiей награждала потрясшаго ее оратора-чародѣя.

Дѣйствительно, въ С. Н. чуялось что-то вдохновенное и вдохновлявшее.

Теперь, когда онъ ушелъ отъ насъ, мы—наслѣдники твореній его великаго духа. Въ нихъ отразился во всей чистотѣ его обликъ, отразились его завѣтныя думы и чаянія. Теперь уже не онъ, вдохновенный любомудръ, а они, его глубокіе религіозные и метафизическіе трактаты, зовутъ и зовутъ насъ къ „выхожденію изъ себя“, къ обрѣтенію „разума Истины“, возносятъ ввысь.